

- ¹⁴ При анализе произведений третьей книги «Шиповника» используются понятие темы, приведенное В. Е. Хализевым: «Тема как фундамент художественного творения – это все то, что стало предметом авторского интереса, осмысления и оценки» (*Хализев В. Теория литературы: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 66*), и системное определение мотива, данное И. В. Силантьевым: «...а) эстетически значимая повествовательная единица, б) интертекстуальная в своем функционировании, в) инвариантная в своей принадлежности к языку повествовательной традиции и вариантная в своих событийных реализациях, г) соотносящая в своей семантической структуре предикативное начало действия с актантами и пространственно-временными признаками» (*Силантьев И. Поэтика мотива. М., 2004. С. 96*). В. Е. Ветловская рассматривала соотношение понятий темы и мотива: «Мотив – та простейшая единица темы (выраженная словом, или словами, или предложением), чья дальнейшая разложимость для темы уже безразлична, она не важна. Иначе говоря, в пределах отдельной темы эта единица может считаться неразложимой» (*Ветловская В. Анализ эпического произведения: Проблемы поэтики. СПб., 2002. С. 104*). То есть одними из элементов, из которых складываются темы, являются мотивы. Например, онтологические темы жизни и смерти в текстах раскрываются с помощью мотивов жизни или гибели отдельного персонажа. При этом важно учитывать индивидуальность авторов и возможность различного понимания и выражения одного мотива.
- ¹⁵ *Келдыш В. Указ. соч. С. 270.*
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Неведомский М. (Миклашевский М. П.) О «Навях» чарах и «Навях» тропях (художество – жизнь) // Современный мир. 1908. № 2. Отд. 2. С. 210.*
- ¹⁸ Там же. С. 211.
- ¹⁹ Там же. С. 210.
- ²⁰ *Янтарев Е. (Бернштейн Е. Л.) Указ. соч. С. 2.*
- ²¹ *М. Г. (Гершензон М. О.). Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». Кн. III. С.-Петербург. 1908 // Вестн. Европы. 1908. Кн. I. Отд.: Литературное обозрение. С. 375.*
- ²² Там же.
- ²³ *Анненский И. Рецензия на 1–5 тома сочинений Бунина, 1904–1909 // И. А. Бунин: Pro et contra: антология. СПб., 2001. С. 303.*
- ²⁴ См.: *Бунин И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. Произведения. 1887–1909. М., 1987. С. 124.*
- ²⁵ *Янтарев Е. (Бернштейн Е. Л.). Указ. соч. С. 2.*
- ²⁶ *Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей: в 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 141.*
- ²⁷ *М. Г. (Гершензон М. О.). Указ. соч. С. 376.*
- ²⁸ *Янтарев Е. (Бернштейн Е. Л.). Указ. соч. С. 2.*
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Львов-Рогачевский В. Ночной кошмар. Альманахи издательства «Шиповник». Книга III. 1908 г. // Образование. 1908. № 2. Отд. 2: Из жизни и литературы.*
- ³¹ *Серафимович А. Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1932. Т. 3. С. 420.*
- ³² *Янтарев Е. (Бернштейн Е. Л.). Указ. соч. С. 2.*
- ³³ *Львов-Рогачевский В. Указ. соч. С. 61.*
- ³⁴ *Чулков Г. Воспоминания. Письма // Чулков Г. И. Годы странствий / вступит. ст., сост., коммент. М. В. Михайловой. М., 1999. С. 50–51.*
- ³⁵ *Львов-Рогачевский В. Указ. соч. С. 61.*
- ³⁶ *Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1990. С. 276.*
- ³⁷ *(Якубович П. Ф.) Указ. соч. С. 175.*

УДК 821.162.4.09-1

ТРАДИЦИИ СЛОВАЦКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЭЗИИ И ТЕЧЕНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ МОДЕРНЫ

Е. И. Курсакова

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
E-mail: sorciere21@yandex.ru

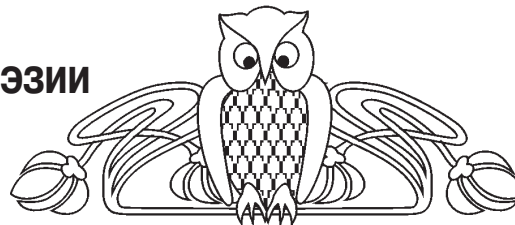
В статье рассматривается становление словацкой духовной поэзии как самостоятельного жанра, прошедшего сложную литературную трансформацию: через григорианский хорал создаются первые канционалы, впоследствии усложненные до лирических песен-молитв, что приводит к созданию в XX в. религиозно-поэтического течения словацкая Католическая Модерна.

Ключевые слова: религиозная поэзия, литературная молитва, стихотворение-медитация, псалом, библейские мотивы.

Traditions of Slovak Religious Poetry and Catholic Moderna Movement

E. I. Kursakova

The article deals with the development of Slovak spiritual poetry as an independent genre that has undergone a complex literary transforma-

tion: the first cantionals are created via the Gregorian choral, later they are elaborated into lyric song-prayers, driving the formation of a poetic religious movement Slovak Catholic Moderna in the XXth century.

Key words: religious poetry, literary prayer, poem-meditation, psalm, Biblical motives.

Как целостное литературное явление религиозная поэзия является неотъемлемой частью словацкой литературы. До XV в. вся религиозная письменность была сосредоточена в руках католического духовенства. Основными центрами христианской книжно-письменной средневековой культуры были монастыри и так называемые фратерниты (братства священников). Мощное влияние на развитие словацкой культуры того времени оказала кирилло-мефодиевская книжная традиция, на формирование которой повлияла христианско-просветительская миссия славянских первоучителей братьев Константина-Ки-

рилла и Мефодия, которая была осуществлена в IX в. на территории Великой Моравии, куда входили словацкие земли. Во второй половине XIV в. одновременно с латинскими трактатами и легендами (житиями святых) все большей популярностью пользуются стихотворные духовные песни и молитвы на чешском языке, созданные как в чешских, так и в словацких землях: «О, верный христианин» (XIV в.), «Поклоняюсь тебе, милостивый Спаситель» (XIV в.), «Мария, мать» (1380)¹. Следует отметить, что именно каноническая церковная молитва как образец идеологических и нравственных норм, определяющих духовную и земную жизнь средневекового человека, стала первоисточником лирического жанра литературной молитвы. Так, например, один из наиболее известных памятников письменности этого периода со словацкими глоссами – сборник церковных песен Вацлава Бзенецкого (1385). Таким образом, молитвословную поэзию нецелесообразно рассматривать единственно как явление религиозное: она органично вобрала в себя черты национального дискурса, став важной составляющей жизни словацкого народа.

Эпоха Ренессансного гуманизма (XVI – середина XVII в.) повлекла за собой существенные изменения в литературной жизни Словакии. Процесс перехода культуры от Средневековья к Новому времени на словацкой почве осуществлялся с опозданием. Причиной тому послужили исторические события (нашествия татар, турок, религиозная борьба католиков и протестантов, последовавшая за этим контрреформация). Центральное место в духовной литературе данного периода занимает библейский стиль. Отчетливее всего это проявилось в жанре христианской поэзии, где, помимо прямых цитат из Библии, нередко встречаются переложения псалмов и текстов Псалтири². Значительным отличием от предыдущей эпохи становится возникновение субъективной духовной лирики. Как правило, эти личные переживания в форме молитвы принадлежат авторам-протестантам, писавшим на словакизированном чешском языке. В духовной поэзии католиков вплоть до середины XVII в. преобладают канонические формы, восходящие к западноевропейскому типу литургических песнопений – григорианскому хоралу.

Первым выдающимся религиозным поэтом эпохи Ренессансного гуманизма является евангелический священник, писатель, член магистрата Ян Сильван (1493–1573). Религиозную лирику Сильвана отличает выраженное субъективное начало, вступающее в противоречие с традиционной формой псалмов, за что его по праву считают первым словацким поэтом-лириком³. Книга стихов «Песни новые на семь псалмов покаянных и другие псалмы» («Písne nové na sedm žalmů kajících i jiné žalmy») (1571), принадлежащая ему, интересна тем, что помимо прямых парафразов псалмов Давида она содержит собственные неканонические

рассуждения автора на религиозную тематику. Авторские псалмы по форме больше напоминают народно-исторические песни. По мнению словацкого литературоведа Й. Минарика⁴, в этом сборнике косвенно получили раскрытие личные чувства поэта: через внутреннюю борьбу человека ренессансного мироощущения, наслаждающегося всеми благами земной жизни, с аскетическими средневековыми представлениями. Во второй части сборника противостояние двух начал – религиозного праведника с героем, не чуждым людских страстей, – достигает своей кульминации («Как дело чистых юных лет»/«Jak jest čistá věc z mladosti»⁵). Новую трактовку получают и такие извечные темы, как эфемерность земного, бренность материального мира, проблема земного счастья («Я пришел в этот мир»/«Přišel jsem na tento svět»⁶). Последовательно противопоставляя физическую и духовную жизнь человека, поэт описывает изменения в окружающем героя суетном мире («Суета во всем, что знаю я и вижу»/«Marnost na všem znám a vidím»⁷). Не типичным для жанра псалмов становится также обращение не только к библейским текстам, но и к античной философии. Ян Сильван – это, по сути, первый словацкий религиозный поэт, обратившийся к интимным переживаниям человеческой души. Нарушив каноническую форму псалмов, он создал собственный самостоятельный жанр лирического стихотворения-молитвы.

Другим не менее известным представителем духовной лирики эпохи Ренессансного гуманизма был Элиаш Лани (1570–1618). В его религиозных песнях также присутствует выраженный субъективизм. Яркий индивидуализм в большей мере присущ тем из созданных им духовных песен, которые обнажают внутренние страдания лирического героя. При этом существенным отличием духовных песен Лани от опытов поэтов-современников является углубление в стихах-молитвах мистицизма, фатализма, чувства вины и страха («Хотя мое сердце в печали»/«Ač jest mi srdce smutné»⁸). Частотными становятся такие религиозные мотивы, как средневековое чувство греха и его искупления с помощью христианского смирения, самоуничтожения, аскетизма («Теперь нахожусь я в тревоге»/«Takliž ja pŕdce v úzkosti»⁹). В интимно-религиозной лирике Лани велика концентрация мистических элементов («Хотя надо мной Господь смиловался»/«Ač mne Pán Bůh ráčí trestati»¹⁰), что свидетельствует о наличии барочных элементов в творчестве автора. В отличие от поэзии Сильвана, где рациональное начало все-таки преобладает над мистическим, в произведениях Элиаша Лани герой по-библейски пассивен, полностью полагается на божественное провидение¹¹.

В XVII–XVIII вв. заметно усиливается влияние католической церкви на культурную жизнь Словакии. Это продиктовано, прежде всего, религиозной борьбой католиков и лютеран. Особенностью словацкой литературы данного периода является ее тесное взаимодействие с литературой

чешской. После поражения чешского восстания в битве у Белой Горы (1620) против войск католической лиги императора Фердинанда II многие чешские эмигранты нашли приют в словацких землях. Таким образом, родство литератур-соседей объясняется не только языковой близостью двух славянских народов, но и активным участием чешских протестантов в становлении словацкой культуры данного периода¹².

Традиционные для духовной литературы религиозные размышления о вечном противостоянии двух миров – земного и небесного – отразились в произведениях католического священнослужителя Ондreja Луцае (1596–1670). В его поэтических опытах «Латинские и словацкие двустушия»/«*Disticha Latina et Slavica*» (1658), «Ритмические молитвы»/«*Orationes rhythmicae*» (1669) элементы барочной мистики и хилиазма¹³ сочетаются со скрытой критикой общественных порядков.

Значимый вклад в историю духовной лирики внес священник-евангелист Даниэль Прибиш (1580–1645). Его переводной катехизис Д. М. Лютера (1634), помимо песен с латинского, немецкого и чешского, содержит стихи словацких авторов-анонимов и собственные переводы. Тексты по структуре скорее напоминают исторические песни религиозно-поучительного содержания. Новаторством книги становится обращение автора к социальным вопросам «на злобу дня» (классовое неравенство, властолюбие, мораль господ), что не было типичным для духовной поэзии. Однако само решение «актуальных» проблем автор находит в традиционном библейском смирении, непротавлении злу насилием, вере в абсолютную справедливость после смерти («О, милый человек, перестань грешить»/«*Ach, človeče milý, prestaň hrešiti*», «Жалобно ропщу на этот убогий мир»/«*Žalostne kvílím na tento bídly svét*»¹⁴).

В 1636 г. вышел другой не менее интересный евангелический сборник духовных песен, ставший образцом для всех последующих поколений духовных поэтов. Эту книгу с мелодичным названием «Цитра святых»/«*Cithara sanctorum*» издал словацкий священник-протестант Юрай Трановский (1592–1637). Сборник состоит из переводных чешских, латинских, немецких текстов, а также песен на словацком языке и собственных поэтических опытов Трановского (около 90 песен). О популярности этой книги свидетельствует ее многократное переиздание (более 100 раз). Тексты изобилуют библейской символикой. При этом с каждым новым переизданием в книге усиливаются мистические барочные мотивы (например, натурализм в описании посмертных мук души в аду). Сборник сыграл важную роль в становлении словацкой словесности, заложив основы традиционной духовной лирики.

Несколько позднее по образцу евангелических сборников создаются первые католические канционалы. Так, в 1655 г. священник-иезуит Бенедикт Солоши (1609–1656) издает католический

канционал («*Cantus catholici*»). Автор стремится продолжить кирилло-мефодиевскую традицию о величественном прошлом словаков. Из 290 текстов большую часть составляют песни на чешском языке. Незначительное количество стихов относится к песням исключительно словацкого происхождения. Все они принадлежат к так называемой религиозно-нравоучительной лирике. В отличие от евангелического канционала Трановского, сборник Солоши «ословакизирован», в нем практически полностью отсутствуют барочные элементы. При этом следует отметить, что католический «*Cantus catholici*» и лютеранский «*Cithara sanctorum*» сборники объединяют более 100 общих текстов, что свидетельствует об универсальности и абстрактном характере жанра духовной песни.

Традиции религиозной поэзии предшествующих столетий были восприняты писателями XIX в., прежде всего представителями классицизма. Так, в поэтическом творчестве католического священника Яна Голлого (1785–1849) воплотилась литературная преемственность развития словацкой классицистической поэзии, «связь времен»¹⁵. В книге «Католический песенник»/«*Katolíckí spevník*» (1842) Голлый стремится в доступной для народа форме изложить молитвы на каждый день. Сборник состоит из лирических песен, подобранных автором на все случаи жизни праведного христианина: повседневные, праздничные, благодарственные Богу, просьбы и т. д. («Молитва утренняя»/«*Peseň ranná*», «По воскресеньям»/«*V ňedelu*», «Рождественская»/«*Vánočná*»¹⁶). Лирические миниатюры Голлого отличаются от так называемой «церковной молитвы» более подвижной формой, усиленным субъективным началом. Основной функцией стихотворений-молитв становится «воздействие на внутренний мир воспринимающего сознания путем вовлечения его в ситуацию духовного сопереживания и побуждения к религиозному отклику»¹⁷. Таким образом, авторская духовная песня, как и церковная молитва, ориентирована на сакральное слово (память о церковной природе жанра).

Линию духовной лирики продолжает словацкий поэт XIX в., представитель реалистического направления в литературе Павол Орсаг-Гвездослав (1849–1927). Как справедливо утверждает российский словакист Н. В. Шведова, «среди писателей второй половины XIX в. это самый крупный поэтический талант»¹⁸. Творчество Гвездослава охватывает более полувека, его поэтическое наследие обширно и разнопланово (сонеты, поэмы, лирические циклы, драмы и др.). Лирический герой его произведений – как правило, человек, жаждущий духовной гармонии. Свои сложные отношения с Богом поэт воссоздает в поэтическом сборнике «Псалмы и гимны»/«*Žalmy a hymny*» (1985). Самым названием книга отсылает читателя к библейским псалмам. Жанр псалма – это утвердившаяся форма иудейской (и христианской) лирической молитвы, в основе которой лежит внутренний диалог человека

с Богом. Вместе с медитативностью и элегичностью, типичной для рассматриваемого жанра, псалмы Гведослава насыщены «бунтарской» патетикой, в целом характерной для творчества поэта. Автор затрагивает в книге тему сложных взаимоотношений человека-вероотступника с Богом. Отношение героя к Творцу неоднозначно, в чем проявился революционный дух мыслящего человека эпохи прогресса. Однако «богоборческие» мотивы у Гведослава – это, скорее, не вызов Создателю, а попытка получить у него ответы на вопросы о несправедливом мироустройстве («Псалом жалобы»/«De profundis»). Несмотря на несхожесть «Псалмов» с каноническими формами духовной песни, лирический герой Гведослава осознает важность смирения, что сближает его с библейскими персонажами и с лирическими героями словацких поэтов-предшественников (Я. Сильван, Э. Лани).

В начале XX в. традиции духовной лирики были восприняты поэтами Словацкой Модерны – литературного течения 1900–1918 гг. В лирике одного из главных представителей Модерны Ивана Краско (1876–1958) нередко встречаются христианские образы-символы, библейские аллюзии (сб. «Ночь и одиночество»/«Nox et solitudo», 1909). Словацкие исследователи его поэтического наследия (Р. Бртань, С. Шматлак, Я. Замбор и др.) неоднократно подмечали связь лирики Краско с библейскими псалмами¹⁹. Так, Замбор пишет о шести признаках сходства лирического стихотворения Краско с псалмом: обращение к Богу, представление своей жалобы (просьбы), выражение глубокого доверия Богу, просьба помочь выйти из затруднительной жизненной ситуации, вера в освобождение от страданий, выражение благодарности²⁰ («Solitudo», «Jehovan»). У Краско Бог выступает в защиту «униженных и оскорбленных» («úbohých a ponížených»), тем самым автор отсылает читателя к первоисточнику – текстам Псалтири. Словацкий поэт, в отличие от французских символистов (Бодлер, Верлен, Рембо), не ропщет на Творца, наоборот, молится о прощении грехов: символические образы смерти и страшного суда, гротескно вырисованные в стихах, страшат героя больше всего.

Духовная поэзия как самостоятельный жанр, прочно закрепившаяся в словацкой книжности к концу XIX – началу XX в., приобрела новые национальные черты в следующую литературную эпоху. Так, в один из наиболее сложных и интересных периодов в истории словацкой литературы (20–40-е гг. XX в.) традиции духовной поэзии нашли свое воплощение в творческом наследии крупнейшей фигуры словацкого неосимволизма – Эмиля Болеслава Лукача (1900–1979). Сборник поэта «Гимны во славу Господню»/«Hymny k sláve Hosudarovej» (1926) составляют стихи, во многом напоминающие духовные песни эпохи Ренессанса. Литературная молитва Лукача так же, как и церковная, обладает лирической композицией, куда входят

такие обязательные части, как личное обращение к Господу, изложение предмета молитвы и оснований (просьбы, благодарности или прославления). Однако произведения поэта обладают большей самостоятельностью в изображении образов. Лукач исходит не только из библейских сюжетов и традиций словацкой поэзии, но и опирается на опыт французских поэтов-спиритуалистов.

В 30–40-е гг. XX в. общественно-политическая ситуация в стране и мире резко усложняется (наступающий фашизм, призывы к созданию единого антифашистского фронта на Конгрессе в 1936 г., возникновение Словацкой Республики в 1939 г., Вторая мировая война). Неудивительно, что ощущение национальной опасности стало главной темой всей словацкой литературы. Именно в этот непростой исторический период на литературной арене появляется новое религиозно-поэтическое течение – словацкая Католическая Модерна, – продолжившее линию духовной лирики. Поэты Католической Модерны (Р. Дилонг, Я. Силан, П. Глбина, Св. Вайгл, Г. Звоноцкий, П. Олива др.) впервые заявили о себе как о самостоятельном течении в словацкой литературе, опубликовав «Антологию молодой словацкой поэзии»/«Antológia mladej slovenskej poézie» (1933). Стоит отметить, что в действительности большинство авторов этого литературного движения на самом деле являлись католическими священнослужителями (но были и евангелисты). Поэты выборочно перенимали те или иные традиции из мировой («чистая» христианская французская поэзия), соседней (традиции чешской Католической Модерны) и домашней (поэзия Гведослава, символиста И. Краско, неосимволиста Э. Б. Лукача)²¹ литератур, которые соответствовали их собственным религиозным убеждениям и творческим концепциям.

Условно движение Католической Модерны делят на две «волны». Первую «волну» представляют католические духовные лица (Р. Дилонг, П. Глбина, Я. Гаранта). Во вторую «волну», помимо священников (Я. Силан, С. Вайгл), примыкают и светские авторы (Я. Окаль, Э. Веснин). Поэтов Модерны вдохновляли темы, непосредственно связанные с церковными традициями (в основном описания событий из церковного календаря). Особый интерес у авторов-католиков вызывают образ непорочной пречистой Девы Марии и библейские сюжеты из Нового Завета (например, Силан «У рождественского вертепа»/«Pri jasličkách», Турчаны «Венок Мадонне»/«Veniec Madonne», Дилонг «Кающейся Марии»/«Márii kajúcej»). Однако стихи поэтов-католиков не отличаются строгой каноничностью формы. Нередко в них описываются сугубо интимные переживания (страх смерти, борьба телесного и духовного, необратимое чувство боли и одиночества: «Письмо»/«List», «Маме в могиле»/«Mame v hrobe» Дилонга, «Я рыдаю за всех»/«Ja plačem za všetkých» Силана). В творчестве большинства религиозно ориентированных авторов выделяют

две ключевые тенденции: первая заимствована из ранних средневековых представлений о мире, полном греха, вторая тенденция (францисканская) – прославление в стихах мира – чуда Божьего Творения (как святой Франциск Ассизский). Как правило, у многих поэтов эти две тенденции перемежаются (например, в творчестве Дилонга и Силана мы находим как барочную мистику, так и гедоническое восхваление жизни).

Связь произведений поэтов-католиков с жанром псалма подтверждает анализ следующих жанрообразующих признаков: 1) установка на Богообщение («дух молитвы»), 2) новая языковая реальность, включающая: а) план содержания («смысл» молитвы); б) план выражения («форма» молитвы)²². Кроме того, трехчастная лирическая композиция (1. лирическое вступление-обращение к высшей силе; 2. содержание молитвы – просьбы о помощи; 3. лирическая концовка – благодарность Богу: например, Глбина «Молитва поэта»/«Básniková modlitba», Турчаны «Просьба»/«Prosba») большинства стихотворений также позволяет говорить о родственной связи произведений Католической Модерны с духовными песнями авторов предшествующих поколений (стихи-молитвы Сильвана, Лани, Луцае, Трановского, Голлого и др.).

В лирических миниатюрах-молитвах католические художники часто зывают к Господу, пытаются получить ответы на «бытийные вопросы»: об истине жизни, о смысле смерти (Мигалик «Господь, я прошу Ангела»/«Pane Bože, prosím Anjela»). В своих духовных стихах-молитвах поэт-провидец стремится подняться над телесно-реальной сферой, обратившись к сфере духовной, что предполагает создание стихотворения-молитвы (Силан «Как это тяжело»/«Jak je to ťažké»). Для большинства поэтов Католической Модерны вопрос о вечных ценностях (свободе, душе, любви, добре) перерастает в поиск средств для противостояния стихиям зла и разрушения, в преодоление хаоса как в своем внутреннем, так и во внешнем мирах (Дилонг «Драма в самом начале»/«Drama na počiatku»).

Многих авторов Католической Модерны объединяет общий набор часто встречающихся в стихах ключевых библейских мотивов: мотив странничества (он же: «мотив блудного сына», мотив дороги, поиска верного пути); мотив избранности (герой-пророк, ведущий за собой толпу обывателей); мотив вины, греха; мотив искушения земными благами (борьба телесного и духовного); мотив смерти и посмертных мук души в аду (барочная атрибутика); мотив душевной тюрьмы, апокалипсический мотив (идеи Страшного суда, божественного возмездия).

Таким образом, словацкая духовная поэзия имеет богатую историю. Через литературную трансформацию средневекового григорианского хораля создаются первые евангелические и католические канционалы, впоследствии усложненные до авторских духовных песен и псалмов

с выраженным субъективным началом, более свободной формой и содержанием. В XX в. на базе богатой духовно-песенной словацкой традиции вырастает самостоятельное литературное течение (словацкая Католическая Модерна), продолжившее развивать многовековые христианские традиции в лирике и обогатившее литературу новыми формами (лирическая медитация), смелыми трактовками библейских мотивов.

Примечания

- 1 См.: Кишкин Л. Словацкая литература // История литератур западных и южных славян : в 3 т. / отв. ред. А. В. Липатов. Т. 1. М., 1997. С. 340.
- 2 См.: Кокосева З. Ренессанс (1500–1650) / пер. Н. Шведовой // Словацкая литература. От истоков до конца XIX века : в 2 ч. Ч. 1. М., 1997. С. 24.
- 3 См.: Кишкин Л. Указ. соч. С. 676.
- 4 См.: Minárik J. Písne nové Jána Silvána // Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity. D 33, 1966. S. 91.
- 5 Antológia zo slovenskej renesančnej poézie. Slovenská renesančná lutna. Bratislava, 1982. S. 247.
- 6 Ibid. S. 216.
- 7 Ibid. S. 237.
- 8 Ibid. S. 302.
- 9 Ibid. S. 300.
- 10 Ibid. S. 303.
- 11 См.: Mišianik J., Minárik J. Dejiny staršej slovenskej literatúry. Bratislava, 1958. S. 122.
- 12 См.: Кишкин Л. Указ. соч. С. 680.
- 13 Мистическое учение о тысячелетнем земном царствовании Христа, которое должно наступить перед концом света.
- 14 Antológia zo slovenskej renesančnej poézie. S. 331.
- 15 Урбанцева Г. Ян Голый / пер. К. Лифанова // Словацкая литература. От истоков до конца XIX века. Ч. 1. С. 101.
- 16 См.: Holý J. Katolíckí spevník I. Zlatý fond denníka SME 2009 (cit. 16.2.2015). URL: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/985/Holly_Katolíckí-spevník-I (дата обращения: 12.10.2014).
- 17 Первалова О. Теория жанра молитвы в современном литературоведении // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. по материалам III Всерос. науч. конф. молодых ученых с междунар. участием (8 февраля 2013 г.) : в 2 ч. Екатеринбург, 2013. Ч. 2. С. 306.
- 18 Шведова Н. Павол Орсаг-Гвездослав // Словацкая литература. От истоков до конца XIX века. Ч. 1. С. 216.
- 19 См.: Zambor J. Žalm a žalmickosť u Ivana Krasku a v slovenskej poézii 20. Storočia // Interpretácia a poetika. O poézii slovenských básnikov 20. Storočia. Bratislava, 2005. S. 12.
- 20 Ibid. S. 13.
- 21 См.: Zemanová P. Formovanie Slovenskej katolíckej moderny ako kultúrny a literárny problém // Slovenská literatúra. 1992. 39. 3. S. 229–240.
- 22 См.: Первалова О. Указ. соч. С. 306.